

В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970, 390 стр.

Неоспоримым преимуществом рецензируемого труда В. Г. Мирзоева, уже зарекомендовавшего себя серьезным исследователем сибирской историографии, представляется многоплановость освещения им развития научной мысли на протяжении трех веков — с XVII и до начала XX в. В. Г. Мирзоев поставил перед собой весьма сложную задачу и в целом, несмотря на отдельные промахи, успешно ее решил.

Книга В. Г. Мирзоева может служить также прекрасным справочным пособием для исследователей-сибиреведов самых различных профилей — историков, работающих над историей русского заселения и освоения Сибири, историей географических открытий, историей экономики, этнографов, занимающихся историей аборигенного и русского населения, его бытом и культурой, лингвистов и т. д. Наметив основные этапы историографии, обусловленные господствовавшими в то или иное время общественно-политическими взглядами, В. Г. Мирзоев старается проследить отдельные направления в освещении главных проблем сибиреведения. Он анализирует научное творчество исследователей, в трудах которых история Сибири рассматривалась как часть истории России (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев); в книге отражены также работы многочисленной плеяды сибиреведов.

Строительное изложение любого исследования всегда зависит от четкой постановки основных вопросов. Во «Введении» В. Г. Мирзоева полно и конкретно представлена проблематика сибирской историографии. Было бы целесообразно сразу же отметить возникновение на отдельных этапах развития сибиреведения различных направлений научных исследований — собственно исторических, этнографических, археологических и т. д. Автор же делает это позднее. Четкость изложения достигается весьма ценными обобщающими вступлениями к каждому разделу книги, характеризующими развитие научной мысли в органической связи с разработкой источниковедческой базы. В первом разделе книги, посвященном состоянию науки в феодальный период, В. Г. Мирзоев справедливо подчеркивает, что основная особенность сибирской историографии состоит в том, что она вышла «из своеобразных народных источников — „отписок“ и „сказок“ первооткрывателей Сибири» (стр. 15). Начало научного изучения Сибири В. Г. Мирзоев относит к XVIII в., к эпохе господства дворянской исторической науки, когда с развитием просвещения «наука перешла к методу непосредственного наблюдения и эксперимента на месте; одним из основных методов ее работы стали путешествия, экспедиции, полевые изыскания» (стр. 47), проводившиеся с большим размахом центральными государственными учреждениями (стр. 48). Выделение этого этапа закономерно, но нельзя согласиться с общей трактовкой предшествующего периода (XVII в.), когда, по мысли В. Г. Мирзоева, проходило только накопление материала, а творчество С. У. Ремезова и особенно Н. Спафария было изживанием старых форм описаний и повествований. «Пример Спафария отразил кризис средневековой учености», а «Труд Ремезова представляет собой переходный ступень от летописного периода сибирской историографии к ее научному этапу», — пишет В. Г. Мирзоев (стр. 35 и 36). В данном случае больше внимания обращается на форму исследования, нежели на его существо. Кризис в науке отражает явления застоя, а в сибиреведении XVII в. таких явлений не наблюдалось. Более того, именно в XVII в. были выдвинуты основные принципиальные вопросы истории Сибири и населявших ее народов и сделаны первые попытки объяснить причины и значение присоединения Сибири к России. Так или иначе, но для Н. Спафария и для С. Ремезова, а тем более для Ю. Крижанича значимость этого события была очевидна и они пытались его осмыслить, а это по существу стало в дальнейшем основной задачей сибирской историографии.

Во втором разделе книги В. Г. Мирзоев дал ряд интересных очерков, посвященных отдельным ученым XVIII в., из которых особенно удался очерк о Г. Ф. Миллере, С. П. Крашенинникове и А. Н. Радищеве. К сожалению, характеризуя творчество Г. Ф. Миллера, автор допускает некоторую противоречивость; справедливо указывая, что Г. Ф. Миллер в некоторых случаях проявлял необычную для того времени научную прозрачность (стр. 84), В. Г. Мирзоев тут же говорит об отсутствии у него «научного воображения» (стр. 85).

В третьем разделе книги, посвященном началу кризиса дворянской историографии и возникновению буржуазного и демократического направлений, В. Г. Мирзоев объясняет расширение источниковедческой базы в первой половине XIX в. постоянным собиранием, обработкой, описанием и изданием исторических источников (стр. 126), развитием идейного содержания сибиреведения. В этом разделе подчеркнута важное значение этнографических данных о народах, населявших северные и восточные области Сибири, а также западное побережье Америки, полученных в результате многочисленных путешествий, в том числе морских кругосветных; показано начало этнографического изучения и русского населения Сибири (П. А. Словцов, Е. А. Авдеева, С. И. Гуляев) и успехи отечественного

востоковедения (Н. Я. Бичурин, П. Кафаров, Д. Банзаров, Г. Гомбоев). В. Г. Мирзоев правильно подметил одну из наиболее характерных особенностей развития сибирской историографии в это время — исследование края «берут в свои руки местные силы, представители растущей сибирской интеллигенции. Это было новой эпохой в истории изучения Сибири» (стр. 126).

Несомненный интерес представляют несколько содержательных очерков о представителях местной интеллигенции (П. А. Словоцове, Н. А. Абрамове), декабристах (Н. А. Бестужева, Г. С. Батенькове, В. И. Штейнгеле, Д. И. Завалишине), внесших огромный вклад в сибиреведение, в частности в этнографическое изучение народов Сибири; привлекает внимание также интересный очерк о полузабытом ныне авторе — А. П. Степанове, енисейском губернаторе, труд которого о Енисейской губернии, несмотря на его официальную направленность, имел большое значение для историко-этнографического изучения Сибири.

Завершающий книгу четвертый раздел посвящен подъему демократической историографии и кризису буржуазно-дворянского направления (вторая половина XIX в.). В обширном и содержательном вступлении к этому разделу В. Г. Мирзоев отметил как главное «новые методы исследования — не спорадические или периодические наезды с научной целью, а планомерное стационарное изучение огромной страны» (стр. 228), возглавленное Русским географическим обществом и его филиалами в Сибири. «Особенно большое поле деятельности открывалось перед сибирской этнографией» (стр. 229), добившейся благодаря деятельности многочисленных политических ссыльных (И. А. Худяков, Д. А. Клеменц, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и многие другие) значительных успехов (стр. 237).

В отдельных очерках последнего раздела автору удалось показать сложность и противоречивость взглядов представителей различных политических направлений — демократов А. П. Шапова и В. И. Семейского, областников — Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и др. и полный упадок официального, буржуазно-дворянского направления в науке (В. К. Андриевич и др.). Правда, не всегда можно согласиться с В. Г. Мирзоевым, когда он относит отдельных исследователей к тому или иному направлению. Вряд ли правильно говорить о научной деятельности Н. Н. Оглобина и Н. Н. Бакая в разделе «Кризис буржуазно-дворянского направления». Бесспорно заслуживал отдельного очерка А. А. Кауфман, взгляды которого, отражавшие целое направление в изучении земельных отношений в Сибири, вкратце и очень неполно изложены во вступительном очерке (стр. 259). Во вступлении не нашлось места для П. М. Головачева, сумевшего в своей статье о задачах сибиреведения выдвинуть в 1902 г. ряд плодотворных в научном отношении идей об изучении хозяйственной деятельности сибирского населения.

Книга В. Г. Мирзоева — полезное и нужное пособие, показывающее истоки сибирской историографии, ее развитие на протяжении трех веков и выработавшиеся в течение этого времени научные традиции. Изучение Сибири издавна было вопросом научной чести России. «Сибиреведение является одним из важных показателей русского вклада в мировую науку», — завершает свою работу В. Г. Мирзоев, подчеркивая особое значение географических, этнографических, археологических и лингвистических открытий отечественных исследователей (стр. 388).

В. А. Александров

Р. Л. Садоков. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970, 137 стр. с илл.

В то время как история зодчества и изобразительного искусства Средней Азии была широко освещена в научной печати, музыкальное наследие среднеазиатских народов в значительной мере еще остается «белым пятном» на карте истории мировой культуры. Тем больший интерес вызывает книга Р. Л. Садокова — одна из первых попыток проникнуть в глубь истоков музыкального искусства среднеазиатских народов.

Как пишет автор, книга его «...целиком посвящена характеристике музыкальной культуры древнего Хорезма по произведениям древнего изобразительного искусства» (стр. 10). Этим и определяется содержание исследования, в основной своей части посвященного музыкальным инструментам, изображения которых сохранились в настенных росписях, в изделиях из глины и серебра. Справедливо полагая, что «...музыкальное прошлое — это не только музыкальные инструменты, а весь комплекс древних представлений о музыке» (стр. 34), автор стремился показать место музыки в жизни древних хорезмийцев, ее связь с обрядами и торжественными церемониями, выявить бытовавшие виды музицирования. И всё же книга Р. Л. Садокова — прежде всего о музыкальных инструментах. Говорится это отнюдь не в осуждение. Изучение музыкального прошлого Средней Азии вполне закономерно начинать с музыкального инструментария, поскольку именно в этой области благодаря археологическим открытиям последних десятилетий накоплен богатый материал.

Чем же располагает исследователь, обратившись к памятникам древнехорезмийской культуры? Оказывается, количество изображений не так велико — всего 19. Но важно, что эти изображения позволяют воссоздать струнные, духовые и ударные инструменты древнего Хорезма.